

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 3. С. 1077–1093
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 6, no. 3 (2022): 1077–93

Рецензия

УДК 94(47).084

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-3-11>

Академическая анатомия памяти о «городе русской славы»

Рецензия на: Волков Е.В., Журавлева Н.С., Сибиряков И.В. «Ленинграда черноморский брат»: Севастополь в советской культурной памяти. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2021. 499 с.

Алексей Дмитриевич Попов

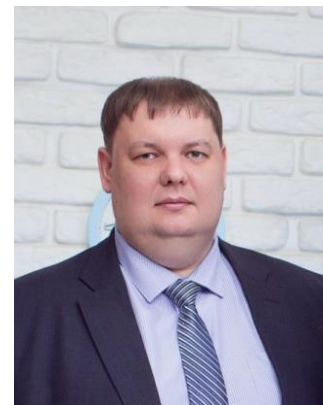
Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского,
Симферополь, Россия,

popalex79@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5672-1198>

Aleksei D. Popov

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Russia,

popalex79@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5672-1198>

Аннотация. Рецензируемая монография представляет собой удачную попытку реконструкции места Севастополя в культурной памяти советского периода с помощью глубокого анализа системы связанных с историей этого города дискурсов, «мест памяти», коммеморативных практик (с особым вниманием к празднованию исторических юбилеев). Авторам удалось создать целостную картину того, как основные этапы истории «города русской славы», а также связанные с ним сюжеты и персоналии, были вписаны в общий контекст советской исторической политики и представлены в массовом сознании. Для достижения этой исследовательской цели ими были подробно охарактеризованы многочисленные мемориальные сооружения, музейные экспозиции, произведения изобразительного искусства, музыкальные произведения, научная, научно-популярная, мемуарная и художественная литература, театральные постановки, документальные и художественные фильмы – все то, что в условиях XX века определяло основное визуальное и дискурсивное содержание коллективных представлений о прошлом. Данная монография имеет большое значение для отечественных исследований памяти и рекомендуется к прочтению всем, кто интересуется историей Севастополя, занимается исследованиями в области memory studies, новой культурной истории, символической политики,

© Попов А.Д., 2022

© Popov A., 2022

дискурсологии. В то же время, несмотря на многообразие поднятых авторами монографии тем и глубину аналитической проработки материала, она всё же оставляет достаточно широкое эвристическое поле для новых исследований, посвященных месту легендарного «города русской славы» в отечественной мемориальной культуре и исторической памяти.

Ключевые слова: культурная память, историческая политика, региональная история, мемориализация, город-герой, Крымская война, Великая Отечественная война, Севастополь, СССР

Благодарности: Исследование было проведено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Севастополя, проект № 20-411-920005 «Опыт осмысления Великой Отечественной войны в пространстве городской культуры (кроссрегиональный анализ: Севастополь – Новороссийск)».

Для цитирования: Попов А.Д. Академическая анатомия памяти о «городе русской славы». Рецензия на: Волков Е.В., Журавлева Н.С., Сибиряков И.В. «Ленинграда черноморский брат»: Севастополь в советской культурной памяти. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2021. 499 с. // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 3. С. 1077–1093, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-3-11>

Academic anatomy of the memory of “The City of Russian Glory”

Review of Volkov, E.V., N.S. Zhuravleva, and I.V. Sibiryakov. “*Leningrada chernomorskii brat*”: *Sevastopol' v sovetskoi kul'turnoi pamyati: monografiya* [“Leningrad’s Black Sea brother”: Sevastopol in Soviet cultural memory]. Chelyabinsk: Izdatel'skii tsentr YuUrGU, 2021. (In Russian)

Abstract. The monograph under review is a successful attempt to reconstruct the place of Sevastopol in the cultural memory of the Soviet period by means of in-depth analysis of the system of discourse related to the history of this city, “places of memory,” and commemorative practices (with special attention to the celebration of historical anniversaries). The authors managed to create a holistic image of how the main stages in the history of the “City of Russian Glory” together with the related narratives and personalities were included in the general context of the Soviet politics of history and are presented in the collective consciousness. To achieve the purpose of the study, they gave a detailed description of numerous memorial constructions, museum expositions, works of fine art, musical works, scientific and popular-science literature, memoirs and fiction, theatrical productions, documentaries and feature films – all the things that determined general visual and discourse content of the collective memory of the past in the context of the 20th century. The monograph under review is of great significance for Russian memory studies and is recommended to those who are interested in the history of Sevastopol and engaged in memory studies, new cultural history, symbolic policy, and discourse studies. At the same time, despite the variety of the topics raised and the depth of the analysis conducted, there remains a broad heuristic field for new studies devoted to the legendary “City of Russian Glory” in domestic memorial culture and historical memory.

Keywords: cultural memory, historical policy, regional history, memorialization, hero city, Crimean War, Great Patriotic War, Sevastopol, USSR

Acknowledgments: The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Government of Sevastopol, Project no. 20-411-920005 “The experience of comprehension of the Great Patriotic War in the space of urban culture (cross-regional analysis: Sevastopol – Novorossiysk).”

For citation: Popov, A.D. “Academic anatomy of the memory of “The City of Russian Glory.” Review of Volkov, E.V., N.S. Zhuravleva, and I.V. Sibiryakov. “*Leningrada chernomorskii brat*”: Sevastopol' v sovetskoj kul'turnoi pamyati: monografiya [“Leningrad’s Black Sea brother”: Sevastopol in Soviet cultural memory]. Chelyabinsk: Izdatel'skii tsentr YuUrGU, 2021. *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 6, no. 3 (2022): 1077–93, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-3-11>

Исследования феномена памяти (memory studies) на современном этапе являются одним из наиболее популярных направлений в социально-гуманитарных науках. Российская гуманитаристика также не осталась в стороне от процессов, которые часто характеризуют такими понятиями, как «мемориальный поворот» или «мемориальный бум». Наряду с переводом на русский язык основных работ западных классиков memory studies (А. Ассман, Я. Ассман, П. Нора, Дж. Олик, М. Хальбвакс, П. Хаттон и др.), появляются претендующие на концептуальность исследования, характеризующие специфику российской и советской памяти о прошлом, в том числе на региональном уровне¹. При этом, одним из лидеров по количеству посвященных ему мемориальных исследований, написанных как отечественными, так и зарубежными авторами, является город Севастополь², с которым связано значительное количество исторических событий, чрезвычайно важных для репрезентации прошлого в Российской империи, Советском Союзе

¹ Воронина Т. Помнить по-нашему: соцреалистический историзм и блокада Ленинграда. Москва: Новое литературное обозрение, 2018; Махотина Е.И. Преломления памяти: Вторая мировая война в мемориальной культуре советской и постсоветской Литвы. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020; Arnold S. Stalingrad im sowjetischen Gedächtnis: Kriegserinnerung und Geschichtsbild im totalitären Staat. Bochum: Projekt Verlag, 1998; Davis V. Myth making in the Soviet Union and modern Russia: Remembering World War Two in Brezhnev's Hero City. London: I.B. Taurus, 2018; Kirschenbaum L. The legacy of the siege of Leningrad, 1941–1995: Myth, memories and monuments. Cambridge: Cambridge University Press, 2006; Mijnsen I. Russia's Hero Cities: From postwar Ruins to the Soviet Heroarchy. Bloomington: Indiana University Press, 2021 и др.

² Куоллс К. Создание и реконструкция памяти города-героя Севастополя // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 138–145; Федотова М.С. Севастопольский некрополь: миф о войне 1853–1856 гг.: культ погибших героев // История и историческая память. 2011. № 4. С. 159–178; Plokhly S. The City of Glory: Sevastopol in Russian Historical Mythology // Journal of Contemporary History. 2000. № 35. P. 369–383; Qualls K. From ruins to reconstruction: Urban identity in Soviet Sevastopol after World War II. Ithaca; London: Cornell University Press, 2009 и др.

и современной России, как в политическом, так и в культурно-мировоззренческом контекстах.

Очередным проявлением данной тенденции является публикация в 2021 г. издательством Южно-Уральского государственного университета монографии ««Ленинграда черноморский брат»: Севастополь в советской культурной памяти»³. Её появление стало итоговым результатом исследовательского проекта «Образ Севастополя в исторической памяти советского общества», реализованного группой челябинских историков (Е.В. Волков, Н.С. Журавлева, И.В. Сибиряков) в 2015–2017 гг. при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Здесь следует уточнить, что в современных исследованиях термины «историческая

память», «коллективная память», «культурная память» чаще всего используются как синонимичные, в равной степени подходящие для целостного определения сформированной в конкретном социальном контексте картины прошлого. В то же время, авторы монографии решили сделать базовым именно термин «культурная память»⁴, концептуализированный немецкими исследователями А. Ассман и Я. Ассманом. Такой подход представляется вполне оправданным, за исключением случая воспоминаний ветеранов о событиях Великой Отечественной войны⁵, которые скорее следует отнести к социальной/коммуникативной памяти. Хорошо ориентируясь в традиционной историографии, авторы выбрали для себя более продуктивный в данном случае междисциплинарный подход, а предметное поле своего исследования определили с позиций новой культурной истории, сфокусировав внимание на изучении связанных с памятью о прошлом социокультурных форм, процессов и

³ Волков Е.В., Журавлева Н.С., Сибиряков И.В. «Ленинграда черноморский брат»: Севастополь в советской культурной памяти. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2021.

⁴ Волков Е.В., Журавлева Н.С., Сибиряков И.В. «Ленинграда черноморский брат»: Севастополь в советской культурной памяти. С. 17–18, 406.

⁵ См.: Волков Е.В., Журавлева Н.С., Сибиряков И.В. «Ленинграда черноморский брат»: Севастополь в советской культурной памяти. Ч. 2, гл. 9. Ветеранские мемуары: создание монументальной истории и борьба за «правильную» память о войне. С. 272–301.

коммуникаций, культурных значений, коллективных представлений и символов⁶.

Основное содержание книги делится на две части. Первая часть носит название «Коммеморативные практики в процессе создания образов советского города». В ней авторы сосредоточились на описании развития монументально-мемориальной и музейной инфраструктуры города, а также трех важных событий его послевоенной истории: Севастопольского процесса над нацистскими преступниками (1947), празднования 100-летия первой героической обороны города (1954) и 200-летнего юбилея со дня основания Севастополя (1983). Особенно интересна информация о своеобразном «перекодировании» символического значения ряда дореволюционных памятников руководителям обороны Севастополя периода Крымской (Восточной) войны. Некоторые из них оказались под угрозой исчезновения, так как планировалась их замена объектами советской монументальной пропаганды. Однако в итоге они все же были сохранены, поскольку удачно вписывались в общий героико-патриотический тренд и воспринимались как важная часть локальной культурной идентичности. Не остались без внимания авторов изменения, происходившие на протяжении советского периода в официальной городской топонимике, на которую военно-героическое прошлое Севастополя также оказало очень сильное влияние. Важно подчеркнуть, что в послевоенный период Севастополь окончательно превратился в один из крупнейших в Советском Союзе центров историко-культурного и военно-мемориального туризма. Поэтому работа с текстами путеводителей по городу разных лет и реконструкция сюжетов экскурсионного показа имеет очень большое значение для понимания содержания и эволюции образа Севастополя на протяжении всего рассматриваемого периода.

Отдельная глава монографии посвящена практике награждения города государственными наградами, в том числе орденом Ленина и медалью «Золотая звезда»⁷. В то же время, меньше внимания авторы уделили ежегодно отмечаемым в городе мемориальным датам, в том числе Дню Советской армии и Военно-морского флота (23 февраля), Дню освобождения города (9 мая), который в Севастополе совпадает с Днем Победы, хотя именно с ними традиционно было связано большое количество коммеморативных практик с участием как самих севастопольцев, так и гостей города.

⁶ Волков Е.В., Журавлева Н.С., Сибиряков И.В. «Ленинграда черноморский брат»: Севастополь в советской культурной памяти. С. 14.

⁷ Награждение Севастополя орденом Ленина и медалью «Золотая звезда» на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 г. стало финальным юридическим актом, закрепляющим статус Севастополя как «города-героя». Однако следует уточнить, что в публицистических текстах Севастополь назывался городом-героем уже с апреля 1942 г., в официальных документах – с 1 мая 1945 г.

Вторая часть монографии, которая по своему объему практически втрое превосходит первую и состоит из 14 глав, получила название «Конструирование советских и трансформация дореволюционных “мест памяти”». Используя очень широкую трактовку термина «место памяти», под которым его создатель П. Нора понимал практически любой материальный или духовный феномен, связанный с восприятием прошлого⁸, авторы монографии представили в этом разделе очень подробную характеристику того, что в реалиях XX века оказывает если не определяющее, то очень значительное влияние на коллективные представления о прошлом. Речь идет о научной, научно-популярной, мемуарной и художественной литературе о Севастополе, посвященных этому городу произведениях советского изобразительного искусства, музыкальных произведениях, театральных постановках, кинофильмах. Наряду с такими известными произведениями, как академический труд Е.В. Тарле «Крымская война», роман С.Н. Сергеева-Ценского «Севастопольская страда», экранизация пьесы А.Е. Корнейчука «Гибель эскадры» или картина А.А. Дейнеки «Оборона Севастополя», в поле зрения авторов попали десятки гораздо менее известных повестей, рассказов, автобиографических повествований, пьес, стихотворений и песен, описание основных смысловых констант которых способствует формированию многомерной и динамичной картины репрезентации Севастополя в советской культурной памяти 1920–1980-х гг.

В этой же части есть отдельные главы, посвященные мемориальным культам адмирала П.С. Нахимова и лейтенанта П.П. Шмидта, которых авторы называют «ключевыми историческими персонажами Севастополя советской эпохи», тем самым помещая их фигуры на вершину локального героического пантеона. Первый из них являлся персонифицированным олицетворением героической обороны Севастополя в годы Крымской войны (достаточно сказать, что в 1959 г. произошло обратное переименование севастопольской площади Ленина в площадь Нахимова). Второй стал символическим воплощением местного историко-революционного мифа, который, вследствие специфики городских исторических событий, оказался связанным с 1905-м, а не с 1917 годом. Что же касается таких известных персонажей, как генералиссимус А.В. Суворов, адмиралы Ф.Ф. Ушаков и Ф.С. Октябрьский, генерал И.Е. Петров, то, по мнению авторов монографии, в системе локальных мемориальных координат они так и остались фигурами «второго ряда»⁹. Если

⁸ Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // П. Нора и др. Франция – память / перевод с французского Д. Хапаевой. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 26.

⁹ Волков Е.В., Журавлева Н.С., Сибиряков И.В. «Ленинграда черноморский брат»: Севастополь в советской культурной памяти. С. 413.

продолжать эту логику, то «третий ряд» севастопольского пантеона должен включать в себя «народных героев» Крымской войны (матрос Петр Кошка, медсестра Даша Севастопольская) и Великой Отечественной войны (пулеметчица Н.А. Онилова, снайпер Л.М. Павличенко, политрук Н.Д. Фильченков), различные мемориальные репрезентации образов которых также описаны на страницах монографии.

«Анатомичность» рецензируемого труда проявляется не только в попытке исчерпывающе описать морфологию культурной памяти советского образца, но и в стремлении авторов вскрыть глубинные, непубличные механизмы ее функционирования. Для этих целей используются малоизвестные материалы федеральных (Государственный архив Российской Федерации; Российский государственный архив литературы и искусств), ведомственных (Архив Российской Академии наук; Российский государственный архив Военно-морского флота; Центральный Военно-морской архив) и региональных архивов (Архив города Севастополя; Государственный архив Республики Крым). Авторы в том числе анализируют сохранившиеся в этих архивах материалы ведомственной переписки, неопубликованные рецензии и стенограммы выступлений, записи в книгах отзывов. Это выгодно отличает данное исследование от многих других работ исследователей памяти, авторы которых не используют архивные документы и зачастую анализируют лишь публичные репрезентации коллективной памяти и исторической политики.

Масштабы проработанного авторами корпуса материалов, связанных с публичными репрезентациями Севастополя, способны вызвать не только уважение, но и восхищение. Ими были привлечены разнообразные материалы более чем 40 названий различных газет и журналов, а также сотни наименований других опубликованных источников: сборников документов, туристско-экскурсионных изданий, краеведческих справочников и энциклопедий, различных эго-документов, художественных литературных произведений разных жанров, рецензий. Постановка темы исследования также обусловила использование в качестве источников для анализа культурной памяти большого количества архитектурных сооружений, визуальных источников, музыкальных произведений, документальных и художественных фильмов.

Закономерным будет вопрос о том, насколько полезным оказалось такое глубокое погружение в материал для формулировки концептуальных обобщений и выводов? В тексте аннотации к монографии авторы высказывают важную идею о том, что советская историческая политика была направлена на то, чтобы с помощью описанных коммеморативных практик «конструировать и транслировать определенные образы города, формировать коллективную

идентичность и утверждать существующий порядок»¹⁰. То, что именно Севастополь оказался в мемориальном тренде, авторы объясняют тем, что на связанных с «городом русской славы», «черноморским форпостом», «неприступной морской крепостью» исторических примерах очень удобно было воспитывать у граждан патриотизм, героизм и готовность к потенциальному самопожертвованию, что являлось актуальным на протяжении всего советского периода¹¹. Соглашаясь с этой мыслью, следует констатировать, что, вписывая образ Севастополя в общесоюзную мемориальную повестку, авторы уделили недостаточное внимание описанию локальной идентичности самих севастопольцев. В частности, в монографии мы практически не найдем информации о том, как идентифицировали себя обычные жители этого города, насколько активно и с какой мотивацией они участвовали в коммеморативных практиках, ритуалах, инициируемых властью мобилизационных кампаниях, с какими «низовыми» мемориальными инициативами они выступали. То есть основное внимание в работе уделено описанию реализации мемориальной политики «сверху», а также процесса создания и транслирования символических смыслов и дискурсов, без подробной характеристики эффективности данной деятельности. В монографии очень много говорится о деятельности тех, кого авторы называют «конструкторами культурной памяти» (ветераны, ученые-историки, писатели, художники, музыканты, режиссеры и др.)¹². Однако по-прежнему открытым остается вопрос о преобладающих истинных мотивах их участия в мемориальных процессах советского времени. Имело ли доминирующее значение их стремление вписаться в официальный тренд, или желание прославиться, или попытка восстановить «историческую правду»? Видимо, каждый конкретный случай заслуживает ещё более глубокой исследовательской проработки именно из этого мотивационного ракурса.

Дальнейшего изучения требует и весьма сложный вопрос о взаимосвязи локальной городской и корпоративной (военно-морской) идентичности. Например, неоднократно упоминаемый в монографии адмирал Ф.С. Октябрьский в разное время служил на Дальнем Востоке, в Феодосии, занимал руководящие посты в центральном аппарате военно-морского ведомства в Москве, оставаясь при этом одним из ключевых акторов происходивших в Севастополе мемориальных процессов. Будучи верным

¹⁰ Волков Е.В., Журавлева Н.С., Сибиряков И.В. «Ленинграда черноморский брат»: Севастополь в советской культурной памяти. С. 2.

¹¹ Волков Е.В., Журавлева Н.С., Сибиряков И.В. «Ленинграда черноморский брат»: Севастополь в советской культурной памяти. С. 153.

¹² Волков Е.В., Журавлева Н.С., Сибиряков И.В. «Ленинграда черноморский брат»: Севастополь в советской культурной памяти. С. 409.

ревнителем славы моряков – защитников Севастополя в 1941–1942 гг., он мог открыто принижать значение участия сухопутных воинских частей в обороне города и публично выступать против расширения мемориального комплекса на Сапун-горе, связанного с освобождением города частями Красной армии в 1944 г.¹³ Один из парадоксов севастопольской культурной памяти заключается как раз в компенсаторном механизме трансформации травматического опыта периода Крымской и Великой Отечественной войн (когда город всё же был занят врагом) посредством превращения его в сугубо героический дискурс. В отечественной культурной памяти, несмотря на факт занятия города противником в 1855 и 1942 гг., Севастополь воспринимался и воспринимается как город-герой, одержавший духовную победу над врагом, а значит, оставшийся непобедимым¹⁴.

Несмотря на артикуляцию символического родства даже в названии монографии («Ленинграда черноморский брат»), на её страницах лишь очень кратко характеризуется взаимосвязь Севастополя с другими советскими городами-героями. Между тем, эта связь была очень заметной и проявлялась не только на уровне культурно-исторических образов и творческих метафор, но и во вполне конкретных практиках обмена различного рода приветствиями, официальными делегациями, предоставления материально-технической помощи¹⁵. В целом именно компаративные исследования, основанные на сравнении культурной памяти в разных регионах и локальных центрах¹⁶, дают интересные результаты и позволяют сделать важные обобщения.

Монография челябинских коллег, удачно характеризующая «анатомическую» структуру или мемориальную матрицу формирования культурной памяти о прошлом города-героя Севастополя в советский период, всё же не является абсолютно исчерпывающей энциклопедией по данному вопросу. Но познакомиться с ней, безусловно, должен каждый, кто занимается исследованиями в области традиционной истории Севастополя, *memory studies*, новой культурной истории, символической политики, дискурсологии. Несмотря на свое глубокое содержание и весьма значительный объем (29 печатных листов), монография В.Е. Волкова, Н.С. Журавлевой и И.В. Сибирякова

¹³ Подробнее см.: Попов А.Д. Сапун-гора как «место памяти»: динамика и основные тенденции мемориализации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Исторические науки. 2021. Т. 7 (73), № 3. С. 108.

¹⁴ Волков Е.В., Журавлева Н.С., Сибиряков И.В. «Ленинграда черноморский брат»: Севастополь в советской культурной памяти. С. 413–414.

¹⁵ Подробнее см.: Попов А.Д. «Созвездие вечной славы»: города-герои Советского Союза в географическом и символическом пространстве // Новое прошлое/The New Past. 2019. № 2. С. 70–87.

¹⁶ См., например: *Mijnssen I.* Russia's Hero Cities: From Postwar Ruins to the Soviet Heroarchy.

«Ленинграда черноморский брат»: Севастополь в советской культурной памяти» оставляет достаточно широкое эвристическое поле для новых исследований, посвященных месту легендарного «города русской славы» в отечественной мемориальной культуре и исторической политике.

Memory studies are one of the most popular areas in the social sciences and humanities at the moment. Russian humanities have not stayed away from the processes that are often described by means of such concepts as “the memory turn” or “memory boom” either. Along with the Russian translations of the main works of the Western classics of memory studies (A. Assman, J. Assman, P. Nora, J. Olick, M. Halbwachs, P. Hutton, et al.), there are studies claiming to be conceptual that characterize the specific features of Russian and Soviet memory of the past, including those focusing on the regional level.¹ The city of Sevastopol, associated with a significant number of historical events that are extremely important for the representation of the

past in the Russian Empire, the Soviet Union, and modern Russia both in political and cultural and ideological contexts, is one of the leaders in the number of memorial studies dedicated to it, which were written by both domestic and foreign authors.²

¹ T. Voronina, *Remember in our way: Socialist realist historicism and the Siege of Leningrad* [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018); E.I. Makhotina, *The refraction of memory: World War II in memorial culture of Soviet and Post-Soviet Lithuania* [in Russian] (St Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020); S. Arnold, *Stalingrad im sowjetischen Gedächtnis: Kriegserinnerung und Geschichtsbild im totalitären Staat* (Bochum: Projekt Verlag, 1998); V. Davis, *Myth making in the Soviet Union and modern Russia: Remembering World War Two in Brezhnev's Hero City* (London: I.B. Taurus, 2018); L. Kirschenbaum, *The legacy of the siege of Leningrad, 1941–1995: Myth, memories and monuments* (Cambridge: Cambridge University Press, 2006); I. Mijnsen, *Russia's Hero Cities: From postwar Ruins to the Soviet Heroarchy* (Bloomington: Indiana University Press, 2021); et al.

² K. Qualls, “Constructing and reconstructing the memory of the hero city of Sevastopol” [in Russian], *Noveishaya istoriya Rossii*, no. 1 (2011): 138–45; M.S. Fedotova, “Sevastopol necropolis:

This trend manifested itself once again in the publication of the monograph *"Leningrada chernomorskii brat": Sevastopol' v sovetskoi kul'turnoi pamyati* ["Leningrad's Black Sea Brother": Sevastopol in Soviet Cultural Memory]³ by the publishing house of the South Ural State University in 2021. The publication was the final result of the research project "The Image of Sevastopol in the Historical Memory of the Soviet Society," completed by a group of Chelyabinsk historians (E. Volkov, N. Zhuravleva, I. Sibiryakov) in 2015–17 with the support of the Russian Foundation for Basic Research. It should be clarified here that in modern research the terms "historical memory," "collective memory," "cultural memory" are often used as synonyms, equally suitable for a holistic definition of the picture of the past that was formed in a specific social context. At the same time, the authors of the monograph chose the term "cultural memory"⁴ conceptualized by German researchers A. Assman and J. Assman as the basic one. This approach seems quite justified except for the case of veterans' memories of the events of the Great Patriotic War,⁵ which should have been attributed to social/communicative memory. Being well-versed in traditional historiography, the authors chose a more productive in this case interdisciplinary approach and determined the subject field of their research from the standpoint of new cultural history, focusing on the study of socio-cultural forms, processes, communications, cultural meanings, collective representations, and symbols related to the memory of the past.⁶

The main content of the book is divided into two parts. The first part has the title "Commemorative Practices in the Process of Creating the Images of the Soviet City." In the first part, the authors focused on describing the development of the monumental, memorial, and museum infrastructure of the city and on three important events in its post-war history: the Sevastopol trial of Nazi criminals (1947), the celebration of the 100th anniversary of the first heroic defense of the city (known in the West as the siege of Sevastopol) (1954) and the 200th anniversary of the foundation of Sevastopol (1983). Of particular interest is the information about a kind of "re-coding" of the symbolic meaning of a number of pre-revolutionary

the myth of the war (1853–1856) and the cult of fallen heroes" [in Russian], *Istoriya i istoricheskaya pamyat'*, no. 4 (2011): 159–78; S. Plokhly, "The City of Glory: Sevastopol in Russian historical mythology," *Journal of contemporary history*, no. 35 (2000): 369–83; K. Qualls, *From ruins to reconstruction: Urban identity in Soviet Sevastopol after World War II* (Ithaca; London: Cornell University Press, 2009); et al.

³ E.V. Volkov, N.S. Zhuravleva, and I.V. Sibiryakov, *"Leningrad's Black Sea brother": Sevastopol in Soviet cultural memory: a monograph* [in Russian] (Chelyabinsk: Izdatel'skii tsentr YuUrGU, 2021).

⁴ Volkov, Zhuravleva, and Sibiryakov, *"Leningrad's Black Sea brother"*, 17–18, 406.

⁵ See Volkov, Zhuravleva, and Sibiryakov, *"Leningrad's Black Sea brother"*. Pt. 2, chap. 9, "Veterans' memoirs: creation of monumental history and the fight for the 'correct' memory of the war," 272–301.

⁶ Volkov, Zhuravleva, and Sibiryakov, *"Leningrad's Black Sea brother"*, 14.

monuments to the leaders of the defense of Sevastopol during the Crimean (Eastern) War. Some of them were under the threat of demolition, as it was planned to replace them with objects of Soviet monumental propaganda. However, in the end they were preserved because they successfully fitted into the general heroic patriotic trend and were perceived as an important part of the local cultural identity. The authors did not ignore the changes that took place during the Soviet period in the official urban toponymy, which was also under a very strong influence of the heroic military past of Sevastopol. It is important to emphasize that Sevastopol finally turned into one of the largest centers of historical and cultural as well as military-memorial tourism of the Soviet Union in the post-war period. Therefore, work with the texts of city guides of different years and reconstruction of the excursion narratives is very important for understanding the content and evolution of the image of Sevastopol during the period under consideration.

A separate chapter of the monograph is devoted to the practice of decorating the city with state awards, including the Order of Lenin and the Gold Star medal.⁷ At the same time, the authors paid less attention to the memorial dates celebrated annually in the city, including the Day of the Soviet Army and Navy (February 23), the Day of the Liberation of the City (May 9), which in Sevastopol coincides with Victory Day, although a large number of commemorative practices, which both residents of the city and its guests participated in, have been traditionally associated with these dates.

The second part of the monograph, which is almost three times longer than the first part and includes 14 chapters, is called "The Construction of Soviet 'Places of Memory' and Transformation of Pre-Revolutionary Ones." Using a very broad interpretation of the term "lieu de mémoire," which its creator P. Nora defined as almost any material or spiritual phenomenon associated with the perception of the past,⁸ the authors of the monograph presented in this section a very detailed description of what in the realities of the twentieth century has, if not decisive, then a very significant impact on collective perceptions of the past. We are talking about scientific and popular science literature, memoirs, and fiction about Sevastopol, works of Soviet fine art dedicated to this city, musical works, theatrical productions, films. Along with such famous works as the academic work by E. Tarle *Krymskaya voyna* [The Crimean War], the novel by S. Sergeev-Tsensky *Sevastopol'skaya strada* [Sevastopol Suffering], the film adaptation of the play by A. Korneychuk *Gibel'*

⁷ Decorating Sevastopol with the Order of Lenin and the Gold Star medal in compliance with the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR as of May 8, 1965 was the final legal act to consolidate the status of Sevastopol as a "hero city." However, it should be clarified that since April 1942, Sevastopol has been referred to as a hero city in journalistic texts; since May 1, 1945, in official documents.

⁸ P. Nora, "Between memory and history. Problems of memory spaces" [in Russian], in P. Nora, et al., *France – memory*, trans. D. Khapaeva (St Petersburg: SPbGU, 1999), 26.

eskadry [The Death of the Squadron] or the painting by A. Deineka *Oborona Sevastopolya* [The Defense of Sevastopol], the authors paid attention to dozens of much less well-known stories, short stories, autobiographical narratives, plays, poems, and songs. The description of their main semantic constants contributes to the formation of a multidimensional and dynamic picture of the representation of Sevastopol in the Soviet cultural memory of the 1920s–1980s.

This part of the book also contains chapters dedicated to the memorial cults of Admiral P. Nakhimov and Lieutenant P. Schmidt, who the authors refer to as “key historical characters of the Soviet-era Sevastopol,” thereby placing these figures at the top of the local heroic pantheon. The former personified the heroic defense of Sevastopol during the Crimean War (suffice it to say that in 1959 Lenin Square in Sevastopol was returned its name of Nakhimov Square). The latter became a symbolic embodiment of the local historical revolutionary myth, which appeared to be associated with 1905 rather than 1917 due to the specifics of the historical events in the city. As for such famous characters as Generalissimo A. Suvorov, Admiral F. Ushakov, Admiral F. Oktyabrsky, General I. Petrov, according to the authors of the monograph, they remained figures of the “second row”⁹ in the system of local memorial coordinates. If we follow this logic, the “third row” of the Sevastopol pantheon should include the “national heroes” of the Crimean War (sailor Pyotr Koshka, nurse Dasha from Sevastopol) and of the Great Patriotic War (machine gunner N. Onilova, sniper L. Pavlichenko, political instructor N. Filchenkov). Various memorial representations of their images are also described in the pages of the monograph.

The “anatomy” of the work under review is manifested not only in an attempt to thoroughly describe the morphology of the Soviet-style cultural memory but also in the authors’ desire to reveal the deep non-public mechanisms of its functioning. To this end, the authors used little-known archival materials from federal (State Archive of the Russian Federation; Russian State Archive of Literature and Arts), departmental (Archive of the Russian Academy of Sciences; Russian State Archive of the Navy; Central Naval Archive) and regional archives (Archive of the City of Sevastopol; State Archive of the Republic of Crimea). Among other things, the authors analyzed the materials of departmental correspondence, unpublished reviews and transcripts of speeches, entries in the guest books. This is what makes the study under review favorably different from many other works in memory studies, whose authors do not use archival documents and often consider only public representations of collective memory and politics of memory.

At the same time, the scale of the corpus of materials on the public representation of Sevastopol studied by the authors can cause not only respect, but also admiration. They used a variety of materials from more than 40 different newspapers and

⁹ Volkov, Zhuravleva, and Sibiryakov, “Leningrad’s Black Sea brother”, 413.

magazines as well as hundreds of other published sources: collections of documents, tourist and excursion publications, local history reference books and encyclopedias, various ego documents, literary works of various genres, and reviews. The formulation of the research topic also led to the use of a large number of architectural structures, visual sources, musical works, documentaries, and feature films as sources for the analysis of cultural memory.

It would be only natural to ask how useful such a deep dive into the material was for formulating conceptual generalizations and conclusions. In the text of the abstract of the monograph, the authors express an important idea that the Soviet politics of memory was aimed at using the commemorative practices described to “construct and broadcast certain images of the city, form a collective identity, and assert the existing order.”¹⁰ The fact that it was Sevastopol that found itself in the memorial trend is explained by the authors the following way: it was very convenient to inculcate in citizens patriotism, heroism, and readiness for potential self-sacrifice using the historical examples associated with “The City of Russian Glory,” “Black Sea outpost,” “impregnable sea fortress,” which was relevant throughout the entire Soviet period.¹¹ Agreeing with this idea, I should note that while including the image of Sevastopol into the all-Union memorial agenda, the authors paid insufficient attention to the local identity of the residents of Sevastopol. In particular, in the monograph there is very little information about how ordinary residents of this city identified themselves, how actively and with what motivation they participated in commemorative practices, rituals, mobilization campaigns initiated by the authorities, what grass-roots memorial initiatives they put forward. That is, the main attention in the work is paid to the description of the implementation of the memorial policy “from above” and to the process of creating and disseminating symbolic meanings and discourses without a detailed description of the effectiveness of this activity. The monograph gives much space to the activities of those whom the authors call “constructors of cultural memory” (veterans, historians, writers, artists, musicians, directors, etc.).¹² However, the question of the prevailing true motives for their participation in the memorial processes of the Soviet era still remains open. Was their aspiration to fit into the official trend, the desire to become famous, or an attempt to restore the “historical truth” dominating? Apparently, each specific case deserves even deeper research from this motivational perspective.

A very complex issue of the relationship between local urban and corporate (naval) identity also requires further study. For example, Admiral F. Oktyabrsky, repeatedly mentioned in the monograph, served in the Far East and in Feodosia and held senior positions in the central office of the naval department in Moscow while

¹⁰ Volkov, Zhuravleva, and Sibiryakov, “Leningrad’s Black Sea brother”, 2.

¹¹ Volkov, Zhuravleva, and Sibiryakov, “Leningrad’s Black Sea brother”, 153.

¹² Volkov, Zhuravleva, and Sibiryakov, “Leningrad’s Black Sea brother”, 409.

remaining one of the key actors in the memorial processes in Sevastopol. Being a faithful advocate of the glory of the sailors who defended Sevastopol in 1941–42, he could openly belittle the importance of land military units in the defense of the city and publicly oppose the expansion of the memorial complex on Mount Sapun associated with the liberation of the city by the Red Army units in 1944.¹³ One of the paradoxes of Sevastopol cultural memory lies precisely in the compensatory mechanism of transforming the traumatic experience of the periods of the Crimean War and the Great Patriotic War (when the city was occupied by the enemy) by turning it into a purely heroic discourse. Despite the fact that the city was occupied by the enemy in 1855 and 1942, the national cultural memory perceived and perceives Sevastopol as a Hero City that won a spiritual victory over the enemy and therefore remains invincible.¹⁴

Despite the articulation of symbolic kinship even in the title of the monograph (*Leningrad's Black Sea Brother*), its pages only very briefly characterize the relationship of Sevastopol with other Hero Cities of the Soviet Union. Meanwhile, this connection was very noticeable and manifested itself not only at the level of cultural and historical images and creative metaphors but also in specific practices of exchanging various kinds of greetings and official delegations as well as providing logistical assistance.¹⁵ In general, it is comparative studies based on the comparison of cultural memory in different regions and local centers¹⁶ that give interesting results and allow us to make important generalizations.

The monograph of Chelyabinsk colleagues, which successfully characterizes the “anatomical” structure or the memorial matrix of the formation of cultural memory of the past of the hero city of Sevastopol in the Soviet period, is not an exhaustive encyclopedia on this issue. But, of course, everyone who is engaged in research in the field of the traditional history of Sevastopol, memory studies, new cultural history, symbolic policy, discourse studies should get acquainted with it. Despite its deep content and a very significant volume (29 printer's sheets), the monograph by V. Volkov, N. Zhuravleva, and I. Sibiryakova *Leningrad's Black Sea Brother: Sevastopol in Soviet Cultural Memory* leaves a fairly wide heuristic field for new research into the place of the legendary “City of Russian Glory” in the national memorial culture and politics of memory.

¹³ For more, see A.D. Popov, “Mount Sapun as a ‘place of memory’: dynamics and main trends of memorialization” [in Russian], *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya: Istoricheskie nauki*, vol. 7 (73), no. 3 (2021): 108.

¹⁴ Volkov, Zhuravleva, and Sibiryakov, “*Leningrad's Black Sea brother*”, 413–14.

¹⁵ For more, see A.D. Popov, ““Constellation of eternal glory’: Hero Cities of the Soviet Union in the geographical and symbolical space” [in Russian], *The New Past*, no. 2 (2019): 70–87.

¹⁶ See, e.g., Mijnsen, *Russia's Hero Cities*.

Список литературы

Волков Е.В., Журавлева Н.С., Сибиряков И.В. «Ленинграда черноморский брат»: Севастополь в советской культурной памяти: монография. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2021. 499 с.

Воронина Т. Помнить по-нашему: соцреалистический историзм и блокада Ленинграда. Москва: Новое литературное обозрение, 2018. 280 с.

Куоллс К. Создание и реконструкция памяти города-героя Севастополя // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 138–145.

Махотина Е.И. Преломления памяти: Вторая мировая война в мемориальной культуре советской и постсоветской Литвы. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 256 с.

Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // П. Нора и др. Франция – память / перевод с французского Д. Хапаевой. Санкт-Петербург: СПбГУ, 1999. С. 17–50.

Попов А.Д. Сапун-гора как «место памяти»: динамика и основные тенденции мемориализации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Исторические науки. 2021. Т. 7 (73), № 3. С. 99–112.

Попов А.Д. «Созвездие вечной славы»: города-герои Советского Союза в географическом и символическом пространстве // Новое прошлое/The New Past. 2019. № 2. С. 70–87.

Федотова М.С. Севастопольский некрополь: миф о войне 1853–1856 гг.: культ погибших героев // История и историческая память. 2011. № 4. С. 159–178.

Arnold S. Stalingrad im sowjetischen Gedächtnis: Kriegserinnerung und Geschichtsbild im totalitären Staat. Bochum: Projekt Verlag, 1998. 428 S.

Davis V. Myth making in the Soviet Union and modern Russia: Remembering World War Two in Brezhnev's Hero City. London: I.B. Taurus, 2018. 351 p.

Kirschenbaum L. The legacy of the siege of Leningrad, 1941–1995: Myth, memories and monuments. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 326 p.

Mijnssen I. Russia's Hero Cities: From postwar ruins to the Soviet Heroarchy. Bloomington: Indiana University Press, 2021. 332 p.

Plokhy S. The City of Glory: Sevastopol in Russian historical mythology // Journal of Contemporary History. 2000. № 35. P. 369–383.

Qualls K. From ruins to reconstruction: Urban identity in Soviet Sevastopol after World War II. Ithaca; London: Cornell University Press, 2009. 188 p.

References

Arnold, S. *Stalingrad im sowjetischen Gedächtnis: Kriegserinnerung und Geschichtsbild im totalitären Staat*. Bochum: Projekt Verlag, 1998.

Davis, V. *Myth making in the Soviet Union and modern Russia: Remembering World War Two in Brezhnev's Hero City*. London: I.B. Taurus, 2018.

Fedotova, M.S. “Sevastopol'skii nekropol': mif o voine 1853–1856 gg.: kul't pogibshikh geroev” [Sevastopol necropolis: the myth of the war (1853–1856) and the cult of fallen heroes]. *Istoriya i istoricheskaya pamyat'*, no. 4 (2011): 159–78. (In Russian)

Kirschenbaum, L. *The legacy of the siege of Leningrad, 1941–1995: Myth, memories and monuments*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Makhotina, E.I. *Prelomleniya pamyati: Vtoraya mirovaya voina v memorial'noi kul'ture sovetskoj i postsovetskoj Litvy* [The refraction of memory: World War II in memorial culture of

Soviet and Post-Soviet Lithuania]. St Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020. (In Russian)

Mijnssen, I. *Russia's Hero Cities: From postwar ruins to the Soviet Heroarchy*. Bloomington: Indiana University Press, 2021.

Nora, P. “Mezhdru pamyat'yu i istoriei. Problematika mest pamyati” [Between memory and history. Problems of memory spaces]. In P. Nora, et al., *Frantsiya-pamyat'* [France – memory], translated from French by D. Khapaeva, 17–50. St Petersburg: SPbGU, 1999. (In Russian)

Plokhly, S. “The City of Glory: Sevastopol in Russian historical mythology.” *Journal of contemporary history*, no. 35 (2000): 369–83.

Popov, A.D. “Sapun-gora kak ‘mesto pamyati’: dinamika i osnovnye tendentsii memorializatsii” [Mount Sapun as a ‘place of memory’: dynamics and main trends of memorialization]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya: Istoricheskie nauki*, vol. 7 (73), no. 3 (2021): 99–112. (In Russian)

Popov, A.D. “‘Sozvezdie vechnoi slavy’: goroda-geroi Sovetskogo Soyuza v geograficheskom i simvolicheskom prostranstve” [‘Constellation of eternal glory’: Hero Cities of the Soviet Union in the geographical and symbolical space]. *The New Past*, no. 2 (2019): 70–87. (In Russian)

Qualls, K. “Sozдание i rekonstruktsiya pamyati goroda-geroya Sevastopolya” [Constructing and reconstructing the memory of the hero city of Sevastopol]. *Noveishaya istoriya Rossii*, no. 1 (2011): 138–45. (In Russian)

Qualls, K. *From ruins to reconstruction: Urban identity in Soviet Sevastopol after World War II*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2009.

Volkov, E.V., N.S. Zhuravleva, and I.V. Sibiryakov. “Leningrada chernomorskii brat”: Sevastopol' v sovetskoi kul'turnoi pamyati: monografiya [“Leningrad’s Black Sea brother”: Sevastopol in the Soviet cultural memory: a monograph]. Chelyabinsk: Izdatel'skii tsentr YuUrGU, 2021. (In Russian)

Voronina, T. *Pomnit' po-nashemu: sotsrealisticheskii istorizm i blokada Leningrada* [Remember in our way: Socialist realist historicism and the Siege of Leningrad]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. (In Russian)

Информация об авторе

Алексей Дмитриевич Попов – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, <https://orcid.org/0000-0001-5672-1198>, popalex79@mail.ru, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (295007 Россия, Симферополь, проспект Академика Вернадского, 4).

Information about the author

Aleksei D. Popov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History, <https://orcid.org/0000-0001-5672-1198>, popalex79@mail.ru, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (4, Prospect Akademika Vernadskogo, Simferopol, 295007, Russia).

Статья поступила в редакцию 08.07.2022; принята к публикации 15.07.2022.

The article was submitted 08.07.2022; accepted for publication 15.07.2022.